

БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК 021.1

DOI 10.33186/1027-3689-2019-2-18-30

Ю. Н. Столяров

*Научный и издательский центр «Наука» РАН,
Российская государственная библиотека*

Ошибочность идеи трансформировать библиотеки в качественно иные учреждения

Автор критически анализирует радикальные технократические позиции В. К. Степанова, заключающиеся в необходимости трансформировать библиотеки в качественно иные учреждения. Эти позиции отстаиваются в его последних статьях, опубликованных в журнале «Научные и технические библиотеки». Показано, что взгляды автора не новы, они высказывались ещё сто лет тому назад и затем неоднократно повторялись. Но попытки их реализовать продемонстрировали свою полную несостоятельность. Ошибочны и представления об укрощении документного потока: он стабилизировался в пропорции 20:80 в пользу нонэлектронной книги. В 99% случаев читатели приходят в библиотеки за печатной (бумажной) книгой, которую лишены возможности купить в связи с непрерывным ростом цен и несовершенством системы книжной торговли. Следовательно, библиотекам рано отказываться от выполнения документивной функции.

Библиотеки всегда придавали большое значение и тому, чтобы самыми разнообразными способами максимально реализовывать коммуникативную функцию, поэтому агитация В. К. Степанова за её внедрение излишня. Призыв к трансформации библиотек в качественно иные учреждения признаётся контрпродуктивным.

Ключевые слова: сущностная функция библиотек, В. К. Степанов, искусственный интеллект, библиотечная политика, библиофутурология.

Yuri Stolyarov*Science and Publishing Center «Nauka» of Russian Academy of Sciences,
Russian State Library, Moscow, Russia*

The defective idea of transforming libraries into basically different institutions

The author analyzes and criticizes Vadim Stepanov's radical technocratic ideas of transforming libraries into basically different institutions. In particular, Vadim Stepanov promotes these ideas in his recent publications in the "Scientific and Technical Libraries" journal. The author proves that such views are not the news having been promoted a century ago and repeated many times. However, the attempts to implement them have demonstrated their bankruptcy. The author also considers the ideas of taming the document flow: it has been stabilized in the 20:80 ratio to the advantage of non-digital books. 99% users come to the library for printed (paper) books as they cannot afford buying them due to continuously increasing prices and imperfect book selling system. It means that the libraries shall not renounce of their documentive function. The libraries recognize the significance of their communicative function, and V. Stepanov's appeals look beside the point. Thus, the appeal to transform libraries into basically different institutions shall be deemed counterproductive.

Keywords: libraries' essential functions, Vadim Stepanov, artificial intelligence, library policy, bibliofuturology.

The article critically analyzes the radical technocratic positions of V. K. Stepanov, who propose in his article "You will catch people": library and librarians in the knowledge society" to transform libraries into qualitatively different modern institutions. The main ideas of article by prof. Stepanov are: new ways of transferring data "have virtually eliminated the need for old-style libraries", their activities "lose all meaning, turning libraries into archaic institutions", they "become decrepit... turning into strongholds of extreme conservatism and overt management, gradually slipping into imitation of their own activities". For universally sought-after institutions with well-defined library functionality, for their founders, they are steadily turning into "a suitcase without a handle". The evidence of the process is manifested in the ubiquitous reduction of the budget for all types of development and the number of staff and library space. The only way to preserve them is to transform into qualitatively different institutions with broader objectives. Prof. Stolyarov is strongly against this proposal, he opposes invitation in libraries a large number of volunteers (without proper library education), he objects equipping libraries with various expensive devices, such as: 3D printers (including tex-

tile printing devices), kits for robotics, laser cutting machines, helmets, costumes or virtual reality studios and similar equipment. Prof. Stolyarov thinks that the problem is not in the structural reorganization of the library, but primarily in the catastrophic underfunding of recruitment. Libraries lack new acquisitions; this is not the problem of merge and separation of departments, one of the main reasons for the outflow of users. And the authorities lack the understanding of the essential purpose of libraries. That is why they shrivel every year like shagreen leather. Throughout world history, libraries fit easily into any technology development and took them into service, and therefore pass through centuries and millennia. It is enough to cite as an example computer equipment and technology, with which they successfully cope. Give libraries the necessary funds and material resources, and they will willingly acquire and provide everything for free public access.

Взгляды В. К. Степанова всегда вызывают живой интерес читателей и слушателей, поэтому публикация его новой статьи [1] (она подготовлена на основе доклада «"Будешь ловить человекoв": библиотека и библиотекари в обществе знаний», представленного на форуме «Крым–2018»), несомненно, привлечёт внимание читателей журнала. В ней, правда, отсутствует развитие основных идей, изложенных в статье «Библиотеки и библиотекари в ближайшие двадцать лет, или В ожидании сингулярности» [2]*, опубликованной в начале 2018 г.

Изложу основные идеи этой статьи. Новые способы передачи данных «фактически устранили необходимость в библиотеках старого образца», их деятельность «теряет всякий смысл, превращая сами библиотеки в архаичные учреждения», они «дряхлеют... превращаются в оплоты крайнего консерватизма и откровенной казённости, постепенно скатываясь к имитации собственной деятельности». Единственный способ их сохранения – трансформация в качественно иные учреждения с более широкими задачами.

* Что такое сингулярность и с чем её едят в научных и технических библиотеках, В. К. Степанов знает лучше нас с вами. Но молчит. Потому что уверен: об этом знает всякий читатель журнала «НТБ». Я же в этом немного сомневаюсь. Поэтому самым «непонятливым» на всякий случай сообщаю: сингулярность – это, «когда в имманентной виртуальности алеаторический импакт создаёт такую трансмутацию, что кросскорреляции каузального континуума превышают край беспредельности и распахиваются в проколотую окрестность онтологической точки, формируя диатропические потоки экзистенции в хронотопе бытия, как мета-ретикулом из иерархических ретикуломоу суперструн, совершающих континуально-дискретные итерации бесконечных фракталов уроборосов» (см.: <https://thequestion.ru/questions/2348/chto-takoe-singulyarnost-esli-govorit-prostym-yazykom>). Теперь-то все поняли?

Растёт продолжительность жизни. У людей появляется больше свободного времени. К тому же на фоне гигантского увеличения интенсивности информационных обменов в сочетании с обвальным снижением качества информации интеллектуальный уровень человечества неуклонно снижается (сам В. К. Степанов не в счёт!), оно не в состоянии принимать самостоятельные решения. Вот граждане и мучаются, не зная, чем себя занять. А библиотека тут как тут: из учреждения, обеспечивающего сбор, хранение и предоставление в общественное пользование документного массива, она должна превратиться в открытую инновационно-просветительную площадку для поддержки всех форм познания и обретения пользователями компетенций, позволяющих им адаптироваться к постоянно меняющимся условиям жизни.

Кадровая политика тоже должна претерпеть кардинальное изменение: поскольку фактически меняется статус библиотечной профессии, генеральный курс надо взять на большое количество волонтеров (без соответствующего библиотечного образования, естественно), бесплатные усилия которых помогут библиотеке воплощать дерзновенные «проекты».

К наиболее значимым типовым нововведениям относится оснащение библиотек различными дорогостоящими устройствами, как-то: 3D-принтеры (включая устройства печати на текстиле), наборы для робототехники, станки лазерной резки, шлемы, костюмы или студии виртуальной реальности и тому подобное оборудование.

Библиотека должна выполнять только организаторские функции: предоставлять помещения, регулярно «просеивать» участников массовых мероприятий и рекрутировать наиболее интересных выступающих, формировать программу циклов, содержание тренингов и других «библиотечных» программ.

Отделы абонементов и читальных залов надо соединить, читательские рабочие места разместить между стеллажами. Библиотеки должны быть открыты для граждан в вечернее время, а лучше – круглосуточно.

Предполагать, что государство станет бесконечно финансировать ставший фактически ненужным социальный институт, бессмысленно. Грядёт неминуемое разрушение всей библиотечной инфраструктуры как устаревшей и окончательно деградировавшей. Инициатором того, чтобы поскорее столкнуть библиотеки в пропасть, должна быть федеральная власть.

Коренная трансформация библиотек позволит превратить их «в мощный катализатор прогресса во всех сферах деятельности, что обеспечит ощутимый экономический рост и стабильное созидательное развитие всей страны».

Тем, кто план поднятия библиотек на недостижимую высоту из этой статьи уяснил не до конца, неутомимый В. К. Степанов повторяет его в новой статье [1], как и в ранее представленном докладе «“Будешь ловить человекoв”»: библиотека и библиотекари в обществе знаний». Вот его идеи в сжатой форме.

Из повсеместно востребованных учреждений с чётко очерченным

функционалом библиотеки неуклонно превращаются для своих учредителей в «чемодан без ручки». Очевидность процесса проявляется в повсеместном сокращении и бюджета на все виды развития, и численности персонала, и библиотечного пространства.

Иными словами, В. К. Степанов признаёт, что «ручку у чемодана» отрывают учредители, а не библиотекари и не читатели. Налицо извращённая логика: вместо того, чтобы лечить смертельно больного человека, ему предлагают отказаться от лекарств, перейти на голодную диету и заняться тяжёлой атлетикой. Вместо того, чтобы обратить свой пафос в защиту библиотек и против горе-учредителей, кем бы они ни были, В. К. Степанов подталкивает их к тому, чтобы они выступили для библиотек в роли анаконды, которая, сжимая кольца-тиски, постепенно лишает жертву жизни.

Но В. К. Степанов оптимист: библиотеки, полагает он, всё же имеют шанс выжить в этих тисках. Для этого надо понять, что так называемый информационный взрыв укрощён и теперь библиотекам надо отказаться от своей основной функции – отбирать, обрабатывать, хранить и предоставлять документы читателям. За них эту работу успешно выполняют программные средства и системы искусственного интеллекта.

Библиотеки отныне призваны *организовывать процесс интеллектуального взаимодействия между членами обслуживаемого сообщества*. Они должны трансформироваться «в площадки реализации всех видов интеллектуального взаимодействия... будь то населённый пункт, школа, высшее учебное или научное заведение».

Скорее всего, автор хотел сказать, что библиотека не то чтобы превратилась в населённый пункт, а предстала бы в этом населённом пункте в роли площадки, только не танцевальной, а интеллектуальной. Ключевым направлением работы современной библиотеки должны стать инициирование и организационное обеспечение диалога внутри и между различными слоями сообщества, постоянное ознакомление с новыми важными для него фактами и идеями.

Про организационное обеспечение всё понятно: надо отпереть читальню, проветрить помещение и подмести пол. Сложнее понять, зачем библиотекарю при наличии искусственного интеллекта сначала самому выискивать важные факты и идеи, потом доводить их до сообщества, а после этого ещё и предоставлять им светлый и уютный зал для диалога. Там библиотекарь будет центральной, хотя и самозванной фигурой: «Функция библиотеки заключается в том, чтобы выявить требующие решения вопросы, вовлечь в диалог заинтересованные стороны, провести всестороннее обсуждение, обнародовать результаты и способствовать принятию решений по проблеме».

Чтобы библиотеке максимально уподобиться хамелеону («в соответствии с её новыми задачами лежит принцип трансформации – быстрого преобразования в зависимости от содержания и форм проводимых мероприятий»), требуется всего лишь объединить фонды абонементов и читального зала и допустить к ним читателей. Зачем это делать, если фонды не нужны («всё есть в интернете!»), непонятно. Да, и ещё продлить часы работы библиотеки.

Тех сотрудников библиотек, которые пока ещё «сохранили способность к изменениям», надо переобучить в течение полутора – двух лет, после чего произвести «кардинальные изменения штатной структуры» (т.е. выгнать тех, кто не переобучился?), и наступит полное библиотечное счастье. Переучивать-то, однако, придётся постоянно – ведь жизнь меняется стремительно, а кардинальное изменение штатной структуры – сделать перманентным. Ну так на что только не пойдёшь ради «уловления человек» в свои технологические сети.

Одним словом, «направления трансформации библиотек в *качественно иные* учреждения понятны и очевидны». Прощай, библиотека! После её упразднения некому будет поверить, будто, «трансформировавшись в многофункциональные учреждения, выполняющие параллельно несколько равных по значимости задач и охватывающие большее число функций, библиотеки повышают собственную социальную значимость и, следовательно, устойчивость как общественного института в новой системе отношений, формируемых обществом знаний». В. К. Степанов призывает перевоплотить библиотеки в качественно иные учреждения, т.е. уничтожить их в собственном качестве, причём сделать «харакири» предлагает руками самих библиотекарей!

Ничто не ново под луной. Библиотечным сообществом уже прочно забыты предложения А. И. Остапова (а В. К. Степанов, увлечённый собственными «новаторскими» идеями, похоже, лишил себя удовольствия поучиться у предшественника), который 20 лет тому назад предлагал создать класс когнитивных библиотек [3], подразделяющийся на три подкласса: гиперинтеллектуальные, высокоинтеллектуальные и суперинтеллектуальные [Там же. С. 3]. Последние «обладают, в отличие от гипер- и высокоинтеллектуальных библиотек, универсальным характером порождения знаний в различных сферах человеческой деятельности» [Там же. С. 4]. Чем не В. К. Степанов, только образца конца прошлого тысячелетия?

Итак, прошли сакральные 20 лет (а последняя статья В. К. Степанова по странному совпадению тоже ориентирована на такой же магический срок) после обоснования и даже защиты этой смелой концепции на уровне докторской (!) диссертации [4] – и где же хоть одна такая библиотека?

А ведь А. И. Остапов, в отличие от В. К. Степанова, довёл свои умпостроения до технологической стадии, придумав так называемую библиотечную инженерию знаний, представляющую собой, по его мнению, сплав «библиотечной памяти как системы, включающей библиотечный фонд знаний [недокументов. – Ю. С.], знания библиотекарей и знания пользователей» [3. С. 5]. Он даже рассчитал (в долларах) таксу за услуги когнитивной библиотеки, а также размер производственного помещения (40–50 кв. м), потребность в бумаге различных типоразмеров (5 т), бланочной продукции и т.д. [Там же. С. 22–23].

Будущую прибыль от пользователей знаний А. И. Остапов намеревался потратить на покупку задёшево оригинальных идей, перспективных проектов знание-технологий (пользуясь его терминологией). И впрямь: зачем тому, кого обобрал, монополист будет платить много или хотя бы по себестоимости? Зато продавать чужие идеи и проекты надо задорого [Там же. С. 23]. Да, это бессовестно, зато нормальный рыночный подход, вполне в духе времени.

Сообщалось, что в октябре 1994 г. в Краснодарской государственной академии культуры «полуофициально» высокоинтеллектуальная библиотека уже создана. Она представляла собой «второй класс когнитивных библиотек с отдельными признаками первого подкласса (гиперинтеллектуальных) и третьего подкласса (суперинтеллектуальных) библиотек» [Там же. С. 24]. Но и через несколько лет, к моменту защиты докторской диссертации, о прибылях этой библиотеки «генеральный директор Высокоинтеллектуальной библиотеки», как застенчиво именовал себя А. И. Остапов, он скромно умалчивал. Позднее его суперреволюционная идея и вовсе тихо скончалась, – видимо, помешала какая-то непредвиденная «закавыка».

В роскошных иллюзиях В. К. Степанова тоже видятся некоторые запяты.

Укрощение информационного взрыва произошло разве что в его голове. Стремительное увеличение документного массива, в том числе в нон-электронном виде, продолжается, и это отмечает сам В. К. Степанов. Я. Л. Шрайберг констатирует: «...электронная книга не вытеснила и никогда не вытеснит книгу бумажную, и паритет, достигнутый сегодня, – 25% электронных книг и 75% печатных книг – сохраняется даже в США, где до недавнего времени был зафиксирован значительный ежегодный рост электронных книг» [5. С. 12]. Впрочем, он оговаривается, что его прогноз оказался более оптимистичным по сравнению с реальностью: установилось глобальное соотношение форматов 20/80, хотя «ещё пять лет тому назад большинство экспертов предрекали такое же соотношение, но только в пользу электронных книг. Многие вообще предсказывали исчезновение печатных книг. И однако же соотношение оказалось в точности обратным. Через 10 лет после появления *Kindle* печатные книги проходят настоящее возрождение» (в

кавычках приведено заключение руководителя издательства «Penguin» Маркуса Доле) [Там же. С. 48]. Уже только по одной этой причине библиотеки будут востребованы социумом на протяжении неопределённо долгого времени, так что трансформировать их в качественно иные учреждения рано.

По-прежнему «читатели приходят в библиотеку прежде всего за печатной книгой» (99% книговыдачи – это печатные издания), – констатирует крупнейший знаток современного состояния библиотечных фондов И. В. Эйдмиллер, но финансирование комплектования муниципальных библиотек по сравнению с 2010 г. сократилось в два раза, а стоимость книг тем временем неумолимо растёт [10. С. 35].

Увы, реальность такова, что всё большее количество читателей лишаются возможности приобрести бумажную книгу в личное пользование. Причины известны: непрерывный рост цен (среднерыночная цена одного экземпляра приближается к 500 р., а 22% книг стоят около 1 тыс. р., 7% – почти 1 500 р., 14% – ещё больше [Там же]) и несовершенство системы книжной торговли. Следовательно, библиотекам рано отказываться от выполнения документивной функции. Наоборот, потребность в ней возрастает.

Непрерывное совершенствование поисковых систем (это В. К. Степанов отмечает верно) вселяет надежду на некоторое облегчение участи библиографов и библиотекарей. Но чтобы соответствовать прогрессу информационно-коммуникационных технологий, им надо перманентно развивать свои компетенции.

Если столь симпатичный В. К. Степанову искусственный интеллект и впрямь способен заменить библиотекаря в поиске и выдаче пертинентных документов (но сначала в этом надо убедиться на репрезентативном статистическом материале), то тогда обе составляющие сущностной (документивно-коммуникативной) функции библиотеки самоупряднятся, библиотека перестанет быть социальным институтом, и рекомендации В. К. Степанова окажутся бесполезными.

Отдельно остановлюсь на коммуникативной части сущностной функции библиотеки, поскольку В. К. Степанов главную ставку делает на неё как на самую новаторскую и перспективную. Однако эта часть сущностной функции стара, как и сами библиотеки, которые *«организовывали процесс интеллектуального взаимодействия между членами обслуживаемого сообщества»*, т.е. проводили и проводят мероприятия, направленные на удовлетворение общих и групповых информационных потребностей и интересов читателей, на протяжении всей своей истории. Активно занимаются этим библиотеки и в настоящее время. Так что призывать к превращению библиотек «в подлинный интеллектуально-творческий хаб» – это ломиться в открытую дверь. Замечу мимоходом, что сомневаюсь в правильности слова *хаб* в предлагаемом контексте:

во-первых, этот термин взят из сленга айтишников; во-вторых, в силу непроизводительной траты времени на совместимость компьютеров наметились тенденции сокращения численности хабов и их полного исчезновения. Надо полагать, отомрёт, не успев прижиться, и само это слово.

Расширение, изменение (вплоть до искажения) основных социальных функций библиотеки особенно ярко проявляются во времена, когда культурно-просветительные организации начинают усиленно подвергать «оптимизации». Началась эта тенденция в ранние советские годы и продолжалась вплоть до середины минувшего столетия, когда на селе появились избы-читальни. Вспомним о содержании и условиях их работы, о том, как «избачи» понимали свои обязанности по совмещению библиотечных и культурно-развлекательных функций, – достаточно взять живописные примеры из книги Т. А. Петровой «Становление и развитие библиотечного дела в Марийском крае (аналитический обзор)» [6].

В 1918 г. в селе Русские Шои И. П. Емельянов организовал молодёжный кружок из сорока человек. Они самовольно заняли бывший кабак, смастерили полки для книг, сцену, скамейки. С помощью Комитета бедноты у лесничего конфисковали рояль. Книгами обогатились у муллы, предъявив ему от имени кружка заявление, заверенное ими же изготовленной печатью. Словом, действовали вполне в духе сегодняшних рекомендаций В. К. Степанова – положить в основу деятельности библиотек интересы граждан в части «обретения компетенций, которые позволяют адаптироваться к постоянно меняющимся условиям жизни». Выдавать книги поручили одному из членов кружка. Он взялся за дело горячо и, если бы умел это делать и предвзительно сам овладел грамотой, всё пошло бы замечательно.

Новоторьяльская районная библиотека по собственной инициативе решила продлить время работы на 4–5 часов. Для этого она запросила у политпросвета должность второго библиотекаря-техника, 5 ламп и 11 пудов керосина. Требовались также стопа бумаги, коробка перьев и дюжина карандашей. Инициативу учредители одобрили, но с керосином, перьями и прочим вышла небольшая накладка. Словом, принцип «денег нет, но вы держитесь» был известен и 100 лет назад.

Моркинская библиотека организовала драматический и струнный кружки. Основной функцией – пропагандой книг – библиотека «почти не занималась. Книжные выставки, библиотечные плакаты не оформлялись, беседы, обзоры о книгах не проводились» [Там же. С. 183]. Зато, в полном соответствии с рекомендациями В. К. Степанова, к вящему удовольствию молодёжи, «под струнный оркестр проходили танцы».

Большинство из 515 изб-читален, числящихся в республике в 1921 г., «были открыты наспех, без оборудования, без достаточной литературы, под-

готовленных специалистов и оказались нежизненными» [Там же. С. 195]. В 1922 г. был разработан план содержания изб-читален на средства населения и коллективной подписки на газеты. Жителей обязывали выделить помещение, обеспечить ремонт, отопление, освещение, оборудование, жильё и полное содержание библиотекаря. За это политпросвет обязался передать кое-какие оставшиеся у него книги и по мере возможности пополнять фонды.

Политпросвет оставлял за собой скромное право: частично перебрасывать книги из одной библиотеки в другую, назначать и увольнять библиотечных и технических работников. Населению разрешалось покупать книги для библиотеки за свой счёт по утверждённым политпросветом спискам. Купленные книги становились его собственностью. Также литературу разрешалось приобретать библиотекарям – на деньги от платных спектаклей, лотерей и встреч. Словом, население «осчастливили» полной свободой действий.

Деятельность библиотек и изб-читален, переориентированных на ложно понятые интересы крестьян, вынудили ЦК ВКП(б) – в постановлении «Об улучшении библиотечной работы» (1929) – признать состояние библиотечного дела неудовлетворительным, резко отстающим от культурного роста населения и задач социалистической реконструкции народного хозяйства. Были приняты серьёзные меры, чтобы библиотеки занимались своим профессиональным делом, не отвлекаясь на то, что к библиотечной деятельности не относится.

Во время Великой Отечественной войны читальный зал и другие помещения Марийской республиканской библиотеки часто использовались для проведения совещаний, под общежития, под сборный пункт допризывников и т.п. [6. С. 368–369]. Согласно установкам В. К. Степанова, это следовало бы всячески приветствовать, – ведь библиотека отвечала на нужды населения. Но пленум обкома ВКП(б) в 1943 г. поступил иначе. Он заставил органы власти «восстановить все бездействующие культурно-просветительные учреждения, категорически запретить их использование для других целей» [Там же. С. 372].

Зато сегодня идеи В. К. Степанова «в тренде». Функционеры считают технократическую информатизацию самоцелью библиотечной работы, оценивая успешность их деятельности по доле ежегодно оцифровываемых книг библиотечного фонда. Денег на «планшеты, персональные компьютеры с установленным специализированным ПО, флипчарты, 3D-принтеры, наборы для робототехники, станки лазерной резки, шлемы, костюмы или студии виртуальной реальности и т.п.» [2. С. 8] они выделять не спешат, но по крайней мере против фондов, пусть и оцифрованных, ничего не имеют.

Впрочем, в игнорировании библиотек как документивно-коммуникативного института они с В. К. Степановым солидарны. Это хорошо видно

по отчётам Министерства культуры РФ и выступлениям министра В. Р. Мединского. В красочно-помпезном буклете «Культура России», выпущенном к «событию года» (как его охарактеризовало Министерство культуры) – Санкт-Петербургскому международному культурному форуму 2017 г. [8], с большим пафосом преподнесены достижения киноиндустрии («Рекордные сборы! Самый кассовый российский фильм!»), театрального искусства («22 млрд р. дохода!»), филармоний («Классический ажиотаж!»), музейной деятельности («11 млрд р. дохода!», «Культурные очереди!»), цирка («Умножение чудес!») и т.д.

Самым большим «чудом» этого отчёта стало отсутствие упоминания о десятках тысяч библиотек страны, бескорыстно ведущих большую просветительскую и иную полезную деятельность среди миллионов читателей. Невнимание к библиотекам, может быть, даже и к лучшему: министр считает, что «время бумажной книги ушло», книговыдача и книгохранение уходят на второй план, а основной акцент должен делаться на культурно-досуговую деятельность. И он отвечает за деятельность только восьми общероссийских библиотек [9. С. 41].

На фоне этой стратегической позиции предложения В. К. Степанова объединить фонды абонемента и читального зала и предоставить к ним свободный доступ, продлить время работы библиотек и т.п. представляются, во-первых, мелкими, а, во-вторых, анахроничными: всё это практикуется, особенно в московских массовых библиотеках, уже много лет. Проблема не в структурной реорганизации библиотеки, а прежде всего в катастрофическом недофинансировании комплектования. Библиотекам недостаёт новых поступлений – это, а не соединение-разъединение отделов, одна из главных причин оттока пользователей. А начальству недостаёт понимания сущностного предназначения библиотек. Вот поэтому и съёживаются они каждый год, как шагреньевая кожа.

На протяжении мировой истории библиотеки воспринимали и брали на вооружение любые технологии, потому и прошли через века и тысячелетия. Достаточно привести в пример компьютерную технику и технологию. Дайте им потребные средства и материальную базу, и они охотно приобретут и предоставят в бесплатный общественный доступ всё перечисленное В. К. Степановым оборудование. Сомнительно только, что благодаря этому оборудованию «из места хранения информации библиотеки превращаются в места новых открытий» [Там же].

Библиотеки во все времена выполняли и должны выполнять свою гносеологическую, духовную и гуманистическую миссию, как об этом неустанно пишет мудрый А. В. Соколов: информационные технологии должны служить библиотечному делу, а не библиотечное дело – информационным технологиям. Приоритетная и подлинная миссия библиотек заключается в за-

щите информационного общества от губительного недуга дегуманизации (см., напр. [7]).

Задача учредителей – всемерно способствовать этому. Задача теоретиков – давать правильные ориентиры, убеждать, что цифровые технологии и достижения – всего лишь средство, позволяющее библиотекам сеять разумное, доброе, вечное. Именно эта задача должна быть поставлена на первое место во всех основополагающих документах нашего профиля: «Основах законодательства о культуре»; федеральных законах «О библиотечном деле», «Об образовании в Российской Федерации»; Указе Президента «Об утверждении Основ государственной культурной политики» и др.

Почему эта идея скромно прячется в Кодексе профессиональной этики библиотекаря? Почему о ней ничего не сказано в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в законах о противодействии экстремистской деятельности, «Об информации»?

Опасность дегуманизации недооценивают не только государство и общество, но и библиотечное сообщество, больше озабоченное технократической информатизацией, чем осознанием своего главного социального предназначения. А. В. Соколов едва ли не единственный, кто во весь голос бьёт тревогу по этому поводу, причём ему приходится убеждать прежде всего своих же коллег, которые относятся к этой проблеме довольно беспечно.

По счастью, библиотекари в массе своей, пусть и интуитивно, но именно так и понимают своё профессиональное кредо, именно ими в меру своих возможностей и разума руководствуются, несмотря на многочисленные попытки сбить их с правильного пути или затормозить развитие. По этой причине постоянные призывы В. К. Степанова к трансмутациям вызывают у них отторжение. Его новая статья, как и предыдущая, при всём радикализме и пафосе страдает умозрительностью и внутренними противоречиями. А главное, она контрпродуктивна.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Степанов В. К.** Новое видение библиотеки как социального института в обществе знаний. – Науч. и техн. б-ки. – 2019. – № 1. – С. 7–15.

Stepanov V. K. Novoe videnie biblioteki kak sotsialnogo instituta v obshchestve znaniy. – Nauch. i tehn. b-ki. – 2019. – № 1. – S. 7–15.

2. **Степанов В. К.** Библиотеки и библиотекари в ближайшие двадцать лет, или В ожидании сингулярности / В. К. Степанов // Там же. – 2018. – № 1. – С. 19–31.

Stepanov V. K. Biblioteki i bibliotekari v blizhayshie dvadtsat let, ili V ozhidanii singulyarnosti / V. K. Stepanov // Tam zhe. – 2018. – № 1. – S. 19–31.

3. **Остапов А. И.** Библиотечная инженерия знаний. Теория и практика / А. И. Остапов. – Краснодар, 1997. – 32 с.

Ostapov A. I. Bibliotchnaya inzheneriya znanij. Teoriya i praktika / A. I. Ostapov. – Krasnodar, 1997. – 32 s.

4. **Остапов А. И.** Библиотека в контексте коммуникативно-познавательных потребностей: когнитивный подход : дис. ... д-ра пед. наук: 05.25.03 / А. И. Остапов. – Краснодар, 1998. – 337 л.

Ostapov A. I. Biblioteka v kontekste kommunikativno-poznavatelnyh potrebnostey: kognitivnyy podhod : dis. ... d-ra ped. nauk: 05.25.03 / A. I. Ostapov. – Krasnodar, 1998. – 337 l.

5. **Шрайберг Я. Л.** Формирование единого пространства знаний на базе сетевой информационной инфраструктуры в условиях становления и развития современной цифровой экономики : ежегодный доклад Четвёртого международного профессионального форума «Крым–2018» / Я. Л. Шрайберг // Науч. и техн. б-ки. – 2018. – № 9. – С. 3–75.

Shrayberg Ya. L. Formirovanie edinogo prostranstva znanij na baze setevoy informatsionnoy infrastruktury v usloviyah stanovleniya i razvitiya sovremennoy tsifrovoy ekonomiki : ezhegodnyy doklad Chetvertogo mezhdunarodnogo professionalnogo foruma «Crimea–2018» / Ya. L. Shrayberg // Nauch. i tehn. b-ki. – 2018. – № 9. – S. 3–75.

6. **Петрова Т. А.** Становление и развитие библиотечного дела в Марийском крае (аналитический обзор). Ч. 1. Конец XVII века – 1964 год : моногр. / Т. А. Петрова ; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ «Марийский государственный университет». – Йошкар-Ола, 2013. – 571 с.

Petrova T. A. Stanovlenie i razvitiye bibliotchnogo dela v Mariyskom krae (analiticheskiy obzor). Ch. 1. Konets XVII veka – 1964 god : monogr. / T. A. Petrova ; M-vo obrazovaniya i nauki RF, FGBOU «Mariyskiy gosudarstvennyy universitet». – Yoshkar-Ola, 2013. – 571 s.

7. **Соколов А. В.** Библиотечный гуманизм и гуманистическая миссия библиотек в информационном обществе / А. В. Соколов // Библ. дело. – 2011. – № 17 (154). – С. 8–15.

Sokolov A. V. Bibliotchnyy gumanizm i gumanisticheskaya missiya bibliotek v informatsionnom obshchestve / A. V. Sokolov // Bibl. delo. – 2011. – № 17 (154). – S. 8–15.

8. **Культура России 2017.** Факты и цифры / М-во культуры Рос. Федерации. – [Москва, 2017]. – 52 с.

Kultura Rossii 2017. Fakty i tsifry / M-vo kultury Ros. Federatsii. – [Moskva, 2017]. – 52 s.

9. **Афанасьев Михаил.** «Кадры для нас – главный вопрос» / Михаил Афанасьев // Унив. кн. – 2018. – Май. – С. 39–43.

Afanasev Mihail: «Kadry dlya nas – glavnyy vopros» / Mihail Afanasev // Univ. kn. – 2018. – May. – S. 39–43.

10. **У опасной** черты: НЭБ vs инициативы «Сколково» // Там же. – Октябрь. – С. 32–38.

U opasnoy cherty: NEB vs initsiativy «Skolkovo» // Tam zhe. – Oktyabr. – S. 32–38.

Yury Stolyarov, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Chief Researcher, Science and Publishing Center «Nauka» of Russian Academy of Sciences, Russian State Library;

yn100@narod.ru

90 Profsoyuznaya st., 117864 Moscow, Russia